

- ³ См.: Ридель И. А., Лобанова Е. Э. Конкурентоспособность выпускников – ведущий показатель успешности функционирования вузов // Экономика и управление в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / сост. Т. А. Кравченко ; НОУ Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. Красноярск : СИБУП, 2009. Ч. II. С. 284.
- ⁴ Там же. С. 286.
- ⁵ Там же. С. 287.
- ⁶ См.: Жданко Т. А., Чурпова О. Ф. Проектирование образовательно-профессионального пространства вуза как педагогическое условие формирования конкурентоспособности личности студента // Концепт. 2013. № 10 (октябрь). С. 38. URL : <http://e-koncept.ru/2013/13200.htm> (дата обращения: 28.01.2015).
- ⁷ Жданко Т. А. Формирование конкурентоспособности личности студента в образовательно-профессиональном пространстве вуза // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 4. С. 69.
- ⁸ См.: Подколзин К. А. Управление образовательной деятельностью – важнейшее условие формирования компетентности и повышения конкурентоспособности выпускников // Труд и социальные отношения. 2012. № 2. С. 109–116.
- ⁹ См.: Коваль И. В., Забуга Е. В., Кармацкая Э. В., Коваль О. И. Сибирский институт бизнеса, управления, и психологии накануне 20-летия : опыт проблемы подготовки конкурентоспособных специалистов. Красноярск : СИБУП, 2014. С. 240–302 ; Коваль И. В. Применение непосредственной производительной силы лично ориентированной социологической науки на экономическом факультете СИБУПа для подготовки конкурентоспособных специалистов. Красноярск : СИБУП, 2015. С. 305–352.

УДК 316.346.32–053.9

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДИЗАЙНА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ СТАРОСТИ

М. Э. Елютина, О. А. Трофимова

Саратовский государственный университет
E-mail: elutina133@mail.ru, trofimova2006@mail.ru

В статье осуществляется анализ основных исследовательских маршрутов в современной социологии старости, расставляются акценты на наиболее значимых проблемах.

Ключевые слова: гетерогенность пожилого населения, субъективное восприятие старости, пожилая семья, инклюзивная среда для пожилых людей.

Engineering of Research Design in Modern Sociology of Elderly

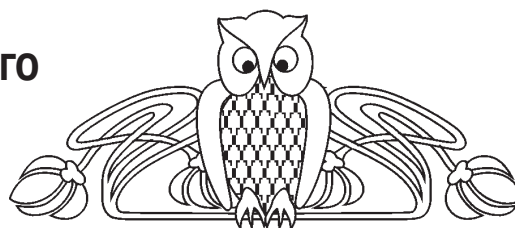
M. E. Elutina, O. A. Trofimova

The article analyzes a major research routes in modern sociology of old age and makes emphasis on the most important issues.

Key words: heterogeneity of the elderly population, subjective perception of old age, elderly family, inclusive environment for the elderly.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-28-33

Старение населения – объективный процесс, который создает новые возможности для общества, инициирует поиск социальных механизмов для реализации неиспользованного человеческого потенциала, создания эффективной социальной политики, служб помощи и поддержки пожилых людей, системы здравоохранения. Устойчивое снижение рождаемости вместе с увеличением продолжительности жизни в течение последней четверти XX в. привели к тому, что во многих странах число людей в возрасте 65 лет и старше превысило число детей, их доля

составляет от 25 до 35% от всего населения этих стран¹.

Следовательно, в связи с увеличением удельного веса лиц старших возрастов увеличивается их социальная значимость в обществе и степень влияния на общественные процессы. В течение долгого времени проблемы, связанные со старением населения, не осознавались в качестве социальных и культурных приоритетов развития российского общества. Имела место медиализация академического дискурса с репрезентацией образа пожилого человека как больного, требующего экспертного медицинского контроля и вмешательства. Пожилые люди выступали в роли гериатрического объекта. До сих пор можно говорить о противоречии между декларациями в политических программах, официальных документах и их практическим разрешением, которое ограничивается, главным образом, гарантированной минимальной пенсионной поддержкой людей позднего возраста. Перспектива стареющего общества требует обновления научного дискурса, переосмысления возможностей людей в разные возрастные периоды жизни, конструирования новых ракурсов разновозрастных взаимодействий, поиска направлений социальной интеграции пожилой когорты посредством институциональных механизмов. Когда мы говорим о социальном старении, речь идет не об эмпирически стареющем индивиде, а о нормах, ценностях, традициях, обычаях, от которых зависит то особое место, которое человек занимает в обществе. На данный момент можно кон-

статировать наличие специфического характера описания, обсуждения и структурирования материала в научном анализе старости как особой социальной проблемы.

В данной статье, не углубляясь в примеры или собиравание выводов, мы предпочли пройти по всему исследовательскому маршруту, расставляя акценты на наиболее значимых проблемах. Проблема старения в некотором смысле представляет собой совершенно новый социальный феномен, с которым человечество столкнулось лишь в XX в., особенно в его последние десятилетия. Выделим ряд перспективных, на наш взгляд, направлений.

1. *Изучение старшей возрастной группы* как элемента социальной структуры и структурных изменений внутри данной группы.

Ключевая проблема, обсуждаемая обычно в контексте изучения старшей возрастной группы как элемента социальной структуры, – увеличение нагрузки пенсионерами на работающее население. Проблемы пожилых нередко оцениваются экономическими, а не социальными категориями, в результате чего старость в официальном дискурсе подается как синоним бесконечных и бесперспективных финансовых затрат. Однако не менее важен и другой аспект этой проблематики – трансформация социально-структурных отношений общества под влиянием роста численности пожилых. Изменение демографического профиля сказывается на распределении доходов, направлении инвестиций, воздействует на структуру производственного сектора и сферу услуг. Важно проследить изменение статуса этой социальной группы на разных социальных полях, в том числе и те трансформации, которые связаны с реальностью оформления и последующего расширения реестра социальных услуг для пожилых людей с тем, чтобы удовлетворить их потребности в саморазвитии, отдыхе, креативности. Внимание ученых фокусируется на положении пожилых людей как объекте социальной политики, на анализе институтов и организаций социального обеспечения и социального обслуживания (В. Васильчиков, С. Марковкина, Г. Медведьева, М. Поляков, Е. Холостова, Н. Щукина, И. Яцемирская). Соответственно, возникает интерес к профессионализации специалистов, занятых в сфере социального обслуживания и поддержки людей старшего возраста (О. Краснова, В. Фокин, И. Фокин, Ю. Фролов, Н. Шайденко).

Исследования структурных изменений в старшей возрастной группе фиксируют разнообразие, гетерогенность пожилого населения, вариативность социальных и психологических факторов старения, разнообразие влияний культуры и окружающей среды, плюрализм стилей в позднем возрасте. В этом контексте выделяются следующие направления исследований.

1) Описание социально-демографических особенностей геронтологической группы. Ее ге-

терогенность рассматривается с позиции дифференциации по возрасту, полу, месту жительства, типу домохозяйства, состоянию здоровья (С. Балабанов, З. Саралиева, В. Доброхлеб, Н. Ковалева, Ю. Лежнена, О. Синявская). Изменения в системе общества – усиление влияния глобальных сетей и потоков, появление новых коммуникационных технологий, стратифицированность городских институтов потребления, устанавливающих негласную иерархию и социальные дистанции путем введения «фейс-контроля», электронного доступа, ценовой и корпоративной политики, – являются внешними объективными факторами, структурирующими геронтологическую группу.

2) Социально-демографические характеристики геронтологической группы анализируются и с точки зрения поколенческого подхода (Л. Беляева, Н. Шахматова, Н. Щукина). Выделяют поколение 1946–1965 гг., представители которого либо подходят к пенсионному рубежу, либо уже достигли его, либо укоренились в пенсионерском статусе. Ю. Зеликова характеризует данное поколение беби-бумеров как «поколение благосостояния», представители которого получали самые высокие доходы, поскольку могли пользоваться широкими социальными программами². На постсоветском пространстве они социализировались в советское время. Это поколение называют «поколение излома», представителям которого в полной мере пришлось примерить разнообразные поведенческие стратегии: сепарации, ассимиляции, интеграции и маргинализации. Стратегия интеграции справедливо считается наиболее продуктивной, но и наиболее сложной. Она требует времени, колоссального напряжения интеллекта, чуткости, художественного вкуса. У интегративистов этого поколения огромный нерастроченный потенциал, который может выступать как ресурс общественного развития и модернизации экономики. В социологии старости фиксируется тот факт, что сейчас мы имеем дело с новым типом представителей третьего возраста с высокой профессиональной и образовательной подготовкой, а также с более высокими показателями здоровья и трудоспособности, чем у предыдущих поколений данной возрастной группы. Эта группа рассматривается как значительный человеческий потенциал, который может быть использован в качестве фактора развития общества.

3) Выделение во внутренней структуре групп риска: сельские пенсионеры (П. Великий, Н. Гегедюш, И. Штейнберг), пожилые инвалиды (Э. Набирушкина), пожилые заключенные (О. Мельникова, Т. Темаев, А. Финаева). Данные группы характеризуются существенными отличиями в ресурсообеспеченности в плане сохранения и поддержания здоровья, эффективной занятости, проведения досуга, социальных сетей поддержки и помощи.

2. *Субъективное восприятие старости.* индивидуальное восприятие себя, фиксирующее, к какой возрастной группе человек себя относит, зависящее от личностных особенностей, от конструирования жизненных смыслов, а также от развития институтов, которые определяют границы возрастных когорт, правила поведения внутри них и способы перехода из одной когорты в другую. С. Лишаев справедливо выделяет два противоположных подхода, реализующиеся в определенных поведенческих реакциях: 1) старость признается, но не принимается и 2) старость признается и принимается³.

Рассмотрим первый вариант: старость признается, но не принимается. Это своеобразный протест против старости, который может быть как активным, так и пассивным. Человек может активно сопротивляться старости, «бороться» за молодость всеми доступными способами: тренировки, диеты, здоровый образ жизни, косметология и пластическая хирургия, следовать «молодежному стилю». Иначе говоря, человек делает все, чтобы не дать себе шанса быть поглощенным старостью. В случае пассивного неприятия старости человек может просто обидеться на «несправедливость» жизни. Перед нами образ «несчастной», а может быть, и «ворчливой», «злойной», «обидчивой» старости. Человек, обиженный на свою старость, чувствует себя несчастным независимо от того, есть ли у него семья, работает ли он, здоров он или болен, беден или богат⁴.

Второй вариант: старость признается и принимается. При этом человек должен совершить усилия с целью осмыслить свой возраст, право на самореализацию и творческое оформление мира, пределы своей свободы и начать жить по-другому, найти и мобилизовать внутренние ресурсы в самом старении, рассматривать его как особый, пусть и последний, этап жизни, без которого та потеряла бы смысл.

В связи с разными моделями субъективного восприятия старости возможны и различные поведенческие стратегии, определяющие индивидуальное членство пожилого человека в социальном порядке: принятие и выполнение предписываемых ему важных социальных ролей или отказ от них в пользу замещающих ролей, вне нормативного контроля. В связи с этим пожилые люди, которые хотят тишины, покоя, ограниченных социальных контактов, не могут идентифицироваться как некая маргинальная группа, а демонстрируют одну из возможных моделей нового определения баланса жизни и труда, коммуникации и напряженной деятельности, творчества и дисциплины.

3. *Реабилитация старости.* Речь идет о системе ценностей и мировоззренческих позициях старшего возраста в современном обществе. Долгое время преобладал медикалистский подход к старости, когда «старость» и «болезнь»

воспринимались как синонимы. Мы имеем дело с определенным смысловым горизонтом старости, который присутствует в коллективном сознании: в литературе, в искусстве, в ответах на вопросы социологов. На сегодняшний день можно констатировать наличие определенных смысловых интерпретаций старости: калькулируемая старость, одинокая, болезненная, нуждающаяся (Ж. Петрова, И. Трифонова, А. Колобова). Речь идет об освобождении от медицинской стигматизации (когда старший возраст ассоциируется лишь с упадком и недееспособностью), о формировании нового, позитивного имиджа старости в обществе. У современного общества есть только два пути развития отношения к пожилому возрасту: обеспечение «доживания» или интеграция представителей позднего возраста в социум. Путь, обозначенный как обеспечение «доживания», представляется тупиковым. В современных условиях старость становится едва ли не самым длительным периодом жизни человека и больше не укладывается в привычное понятие «закат жизни». Кроме того, сегодняшняя реальность обуславливает деление старости на два периода: «молодой старости» (от 55 до 75 лет), когда человек еще активен, полон сил и желания работать, быть полезным обществу, и «старой старости», когда главной задачей человека становится самообслуживание. Естественно, возрастной рубеж перехода человека из одной категории в другую очень индивидуален. В социологии старости все чаще используется термин «нестарые старики». Фактически представители этой группы обладают высоким уровнем профессиональной подготовки, огромным жизненным и производственным опытом, активностью, однако их, согласно дате рождения, относят к лицам послетрудоспособного возраста, само название которого ставит крест на стремлении такого человека к интеграции в профессиональное пространство.

Важным представляется и отсутствие языковой вежливой формы обращения к представителям геронтологической группы. Как Румпельштильшхен появляется только при правильном к нему обращении, так и вежливое обращение уже содержит позитивную коннотацию образа пожилого человека. Вряд ли можно ожидать, что представление о геронтологическом этапе сместится в позитивную сторону, если в официальных документах пенсионный возраст называется «возрастом дожития».

В настоящее время существует необходимость в построении объяснительных междисциплинарных моделей освобождения старости от накопленных стереотипов, переходе к институциональному описанию старения и научному прогнозированию новых способов организации социальности в старших возрастных группах. Нужна новая презентация старости в публичном пространстве культуры. Настало время «ренессанса» старости, время оживления и переосмыс-

ления ореола мудрости и самооценности данного возрастного этапа, а это требует, по М. Бахтину, особой логики переименований, преобразований, перетеканий в неравное себе со-бытие. Этому способствуют исследования, позволяющие распознать различные смысловые оттенки жизни человека на данном этапе, механизмы творческого возвращения к себе через неистребимое желание реализовать себя все в новых и новых, еще не бывших, еще лишь могущих быть жизненных стратегиях и повседневных практиках.

Важными представляются исследования пролонгирования профессионально-трудовой деятельности, практик интеграции, раскрытия явных и латентных форм эйджизма, карьерной мобильности в позднем возрасте, отношений работодателей к представителям третьего возраста, возможностей организации семейного бизнеса, форм рекреации и досуговой деятельности (Т. Козлова, А. Смолькин, Е. Кулькова, Е. Чернышкова).

4. *Интегральный анализ особенностей повседневной жизни старшего поколения:* изучение уровня и качества жизни (особенно в контексте коммодификации и маркетизации жизненно важных для пожилого человека благ), социально-психологического самочувствия, социальной эксклюзии, состояния здоровья, взаимодействия с семьей и детьми, потребительского поведения, сексуальных отношений, отношений с окружающими вещами. Данное направление широко представлено в отечественной социологии старости (Д. Владимиров, И. Григорьева, М. Елютина, Н. Зубаревич, А. Козлов, Т. Козлова, О. Краснова, Г. Парахонская, Н. Римашевская). Один из новых векторов исследования – пожилые семьи (М. Елютина, С. Киреева, С. Климова). Отметим два важных момента. 1) Научные исследования обходят вниманием пожилые семьи. Детоцентризм привел к тому, что основная функция семьи – репродуктивная. Таким образом, исключается многофункциональность жизнедеятельности семьи, обесценивается социальное бытие пожилых семей. 2) На пожилые семьи переносятся механически стандарты и способы жизнедеятельности, свойственные молодым семьям. Таким образом, за скобки выносятся вопросы об автономии и своеобразии пожилых семей. Стало очевидным, что пожилые семьи занимают свою особую нишу. Семья пожилого человека характеризуется определенными особенностями, имеет свои очертания и контуры. Происходит формирование новых значимых смыслов: автономии, адаптационного синдрома, усиления статуса интимности. Как показывают результаты исследования⁵, возникают новые моменты и в супружеских отношениях, содержание которых может меняться как в позитивную, так и в негативную стороны. На одном полюсе концентрируются вслушивающиеся, понимающие, объединяющие свои усилия супруги, на другом

– углубляется водораздел между супругами, их внеаходимость в отношении семьи, вплоть до разрыва супружеских отношений, что конкретизируется следующими положениями.

1) Развод – это всегда событие, в водоворот которого вовлекается большое число людей (разных возрастов, профессий, состоящих в разной степени родства), вынужденных корректировать свои жизненные стратегии, менять жизненные траектории. Помимо общих, характерных для всех возрастных групп причин развода (алкоголизм, насилие, тяжелые заболевания), выделяются особенности, характерные для развода в третьем возрасте («бунт» против старения, когда человек решает «сесть в последний вагон», чтобы попытаться проехать жизнь по второму кругу; истаивание «стабилизаторов» внутрисемейных взаимодействий, «обезболивающее» действие которых долгое время просто не замечают).

2) Супружеские отношения сохраняются, но в повседневной жизни супруги попеременно выступают в роли мишени. В таких семьях столкновения обусловлены не столько антагонистическими реакциями на происходящие изменения, сколько иницируются самими супругами, постоянно «атакующими» друг друга.

3) При сохранении супружеских отношений супруги ведут автономный друг от друга образ жизни, эти отношения приобретают характер «вечной мерзлоты»: супруги не являются ни друзьями, ни врагами, ни близкими, ни чужими. На место взаимопонимания или враждебности приходит индифферентность.

4) Супружеские взаимоотношения эластичные, нет заметных колебаний симпатий и антипатий, действия супругов при столкновениях, носящих в основном локальный характер, направлены в сторону воссоздающего синтеза, укрепляющего жизненные основы; усиливается симбиотичность супругов, у супружеской парой пары наблюдается схожесть не только жизненных стратегий, но и привычек, повседневных практик; нередко супруги даже физически становятся похожими.

5) Супруги пребывают в зоне напряженного (и со-пряженного) сознания. По результатам исследования, выделяются и анализируются механизмы, поддерживающие это напряжение (со-зависимости, «атрибутивного искажения», переживания общих утрат, утепления супружеских отношений). Рассматриваются механизмы утепления супружеских отношений (или приватные скрепы): сюжетные конвенции, характеризующие ситуацию установления доминирующих смыслов и способов поведения; ритуалы повседневной жизни (приветствия, речевые стереотипы, обращения, предпочтения в пищевом поведении, ведение книг домашних расходов, подготовка к открытию и закрытию дачного сезона); юмор, самоирония; хобби, коллекциони-

рование, непритязательные домашние увлечения способствуют разрешению множества мелких проблем, вырывают из оправы обыденности; стратегии распаковки проблем, включающие определенные принципы последовательности обсуждения и предпочтительной структуры.

5. Новые дискурсивные направления исследований актуализируются на *пересечении двух современных демографических тенденций*: постарения населения и урбанизации. Они реализуются в проектах по исследованию городского пространства с целью создания условий, благоприятных для жизни пожилых людей. На данный момент в доминирующих схемах конструирования российских городских территорий слабо представлены интересы пожилых людей. Более того, происходит вытеснение малоресурсных социальных групп из институциональной структуры города. Выправить ситуацию может реализация концепции инклюзивного дизайна, в основу которой положена идея экологической и социальной справедливости. На преодоление равнодушия и враждебности современного города направлены различные проекты городского развития, предполагающие изучение всевозможных мобильностей пожилых людей, сложных взаимодействий между этими мобильностями и их социальные последствия.

В. Парамонова выделяет и анализирует определенные модели развития городской территории в контексте социальных геронтологических эффектов⁶. Каждая из них, по замечанию автора, имеет свои положительные и отрицательные характеристики, возможность их реализации обусловлена социокультурным контекстом. «Американская» модель ориентирована на создание отдельных городов для пожилых, в которых 55 лет – это нижняя возрастная граница для горожан. Несомненным положительным моментом этой модели является наличие развитой инфраструктуры города и приспособленность жилых помещений для данной возрастной группы, снятие структурных барьеров и ограничений для независимой жизни. Вторая модель предполагает создание инклюзивной среды для пожилых людей: комфортность проживания, доступность медицинского обслуживания, образования, организация мобильных социальных сред, обеспечение активного образа жизни, возможности использования современных способов коммуникаций, также сильной занятости в сфере производства. Положительный момент внедрения этой модели заключается в том, что не нарушаются привычная жизнь и социальные связи пожилых горожан, так как не требуется их переезда на новое место, что достаточно тяжело переносится в пожилом возрасте. При внедрении данной модели существенно улучшается социальный комфорт для города в целом, а не только для представителей геронтологической группы. Так, появление пешеходных переходов с низки-

ми бордюрами и отрегулированных светофоров под возможности темпа передвижения пожилых людей, доступность общественных туалетов автоматически облегчают жизнь и для иных социальных групп: беременных женщин, маленьких детей и инвалидов. К тому же эта модель, в отличие от «американской», способствует сокращению разрыва между поколениями.

6. Важное направление – *исследование того, как люди относятся к смерти*, как они интерпретируют смерть, что думают о смерти, как готовятся к смерти. Анализ отечественного социологического научного дискурса фиксирует отсутствие теоретических обобщений, малочисленность эмпирических исследований. Исследовательский интерес сосредоточен на молодежи, ее отношении к танатоситуации⁷, отсутствуют работы, фиксирующие геронтологические особенности отношения к смерти. В условиях постарения общества, когда звучит многоголосица представителей разных возрастов, межпоколенческие конфликты могут обостряться в результате того, что позиции не овнешняются (Ю. Хабермас) для открытой дискуссии. Апелляция к «внутреннему», к метафизическим переживаниям представителей геронтологической группы применительно к танатоситуации необходима для достижения баланса аксиологических ориентаций разных возрастных групп, конвертации смыслов, для создания их идентификационных портретов. Страх смерти присущ людям любого возраста (надо отметить, что страх смерти выполняет важные функции, оказывая влияние на стремление к сохранению собственной жизни и на уважение к жизни других). Однако, как показывают исследования, молодыми смерть не воспринимается всерьез, имеют место стремление вычестить из жизни смерть, нежелание задуматься над вопросами, связанными с танатоситуацией, упрятанное под маску «пофигизма». Зачастую смерть – не более чем способ обозначить абсолютное выражение того или иного чувства, сверхпревосходная степень оценки чего-либо. Легкость, с которой молодые люди оперируют понятием смерти, указывает на еще инфантильную, незрелую стадию человеческого развития. «Смерть» для молодого поколения – чаще всего абстрактная грамматическая категория, досадное стеснение, неизбывный фон, который нужно по возможности нейтрализовать. Молодые люди смысловое содержание смерти нередко заполняют заимствованными, облегченными представлениями, которые являют собой лишь воображаемое, иллюзорное, выраженное невсерьез. Но именно представители молодежи как приоритетного возраста в современной культуре выражают и основную ее содержательную матрицу относительно смерти, о которой говорил Ж. Бодрийяр: «Ни одна другая культура не знает подобной различительной оппозиции жизни и смерти, где жизнь выступала бы как положительный член:

жизнь как накопление, смерть как расплата»⁸. Возраст, безусловно, является той детерминантой, которая инициирует переосмысление своего отношения к смерти. Молодость и старость задают разную оптику видения танатоситуации. При этом старость – это возраст, когда нельзя сделать пробел во времени, прежде чем начать действовать. Нередко у пожилых людей чувство активного распоряжения временем, владения им, планирования заменяется чувством бесплодной потери или замешательством перед непонятным и пугающим ходом дней, сводящим дальнейшие жизненные перспективы к нулевому варианту. У пожилых людей мысль о смерти – это не мысль о, а мысль для, размышления человека, осознавшего свою сопричастность людям и миру. Вопрос об отношении к смерти переводится из подтекста в контекст самой жизни, наступает время, когда осознается трагизм временности⁹.

Таким образом, именно старость, качество и уровень жизни представителей геронтологической группы, межвозрастные взаимодействия становятся новой значимой повесткой для социологии. Длительное время старость в силу своей естественности, обыденности не осознавалась в качестве возможного объекта социологического анализа и рассматривалась как неизбежное, хотя и нежелательное свойство человека. Сейчас стал очевидным тот факт, что проблема старения становится индикатором направлений изменения социальных процессов макроструктурного уровня, концептуализирует основы социальной политики. Текущая ситуация создала новые вызовы, влияющие на геронтологические

отношения, расширился спектр возможных моделей старения, старости, усложнились и «расписание» жизни в целом, и процесс адаптации к геронтологическому этапу жизненного пути в частности.

Примечания

- 1 См.: Зеликова Ю. А. Стареющая Европа : демография, политика, социология. СПб. : Норма, 2014. С. 5.
- 2 Там же. С. 171–172.
- 3 См.: Лишаев С. А. Старое и ветхое : Опыт философского истолкования. СПб. : Алетей, 2010. С. 178–179.
- 4 Там же. С. 178.
- 5 См.: Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–93 ; Елютина М. Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте // Социс. 2012. № 9. С. 91–99.
- 6 См.: Парамонова В. А. Современные городские модели «для пожилых» // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. Т. 24 (63). № 3–4. 2011. С. 231–238.
- 7 См.: Борисов С. Б. Символы смерти в русской ментальности // Социс. 1995. № 2. С. 58–63 ; Лаврикова И. Н. Молодежь : отношение к смерти // Социс. 2001. № 4. С. 134–136.
- 8 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 3-е изд. М. : Добросвет ; Изд-во КДУ, 2009. С. 264.
- 9 См.: Елютина М. Пожилые люди на обочине смерти // Memento Mori : похоронные традиции в современной культуре / сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина ; отв. ред. Д. В. Громов. М. : ИЭА РАН, 2015. С. 156–162.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Е. Ю. Титова

Саратовский государственный аграрный университет
им. Н. И. Вавилова
E-mail: a-von-b@yandex.ru

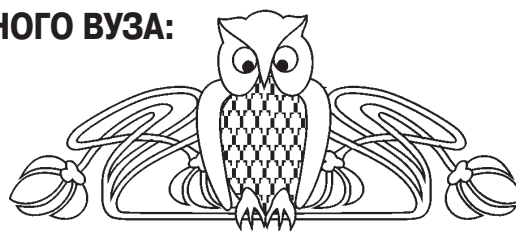
Статья посвящена анализу определений понятий «корпоративная культура», «корпоративная культура вуза», «корпоративная культура регионального вуза» и их соотношению. Даются авторские определения понятий «корпоративная культура вуза» и «корпоративная культура регионального вуза».

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративная культура вуза, корпоративная культура регионального вуза.

Corporate Culture at the Regional University: Defining the Concept

E. Yu. Titova

The article is devoted to the analysis of definitions of corporate culture, corporate culture of the University, corporate culture of the regional University and their relationships. The author gives the definitions

of corporate culture of the University and corporate culture of the regional University.

Key words: corporate culture, corporate culture of the University, corporate culture of the regional University.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-33-36

Прояснение и определение основных понятий является одной из важнейших задач научного исследования. Отправной точкой данного исследования стал анализ специфики и многообразия определений понятия «корпоративная культура». Основной задачей является определение понятий «корпоративная культура вуза» и «корпоративная культура регионального вуза» с прояснением их соотношения.